

В конце рабочей недели, по пятницам, мы обычно собираемся с Мариной то у нее дома, то у меня на девичьи посиделки. А тут вдруг Марина звонит в среду, да прямо мне на работу, что у нас в банке, мягко говоря, не приветствуется, а строго говоря, не принято вовсе. Банковские операции требуют сосредоточенности, четкости, а посему – никаких отвлекающих факторов.

Но голос у Марины был такой взволнованный, что я, не решаясь отчитать её за непозволительность звонка, поначалу тоже взволновалась: не случилось ли чего, пока не уловила в голосе подруги радостных, даже ликующих нот. Несла она какую-то околесицу про страшно блатное... то есть – поправила себя – эксклюзивное агентство, которое устроит нам нашу личную жизнь. Я постаралась придать лицу строго деловое выражение и сухо сказала в трубку:

– Благодарю вас, коллеги, за интересную информацию. Я всё обдумаю и завтра вам перезвоню.

На том конце провода обомлели на минуту, а затем Марина догадливо завершила разговор:

– Всё! Вспомнила! Тебе же на работу звонить нельзя! Зайду вечером.

Вернувшись после работы домой, я едва успела поставить чайник на плиту, как раздался нетерпеливый звонок, тут же, следом, стук в дверь, и, наконец, какое-то кошачье царапанье.

– Кто там? – осторожно спросила я.

– Да открывай же быстрее!

Сияющая Марина пулей влетела в квартиру.

– Всё! Теперь заживем! – пообещала она.

– Ты о чем?

– А по телефонному разговору не поняла? Мне под большим секретом сообщили адрес надежного брачного агентства. Только для избранных! 100%-ный успех! Сплошь – заграничные женихи! От нас требуется: два фото, рассказ о себе и требования к соискателям.

– Слово «соискатели» мне кажется не совсем верным. Ведь так должны называть нас, а не противоположную сторону. А всё тобой перечисленное – требуют и при устройстве на работу.

Но Марину мое замечание не обескуражило:

– Всё правильно! Это – научно организованный брак!

Она с видом учительницы (правда, начальных классов) посмотрела на меня и строго спросила:

– Ты когда-нибудь слышала про НОТ? Ну, научную организацию труда?

Мне стало смешно, но я не подала вида, чтобы не обижать Марину:

– Приходилось...

– Так вот, брак – такое же серьезное дело. Я теперь поняла, в чем наша... моя (тактично поправились она) ошибка. Надо избавляться от романтики и переходить на строго научную основу. У тебя есть ручка или хотя бы карандаш?

– У меня есть чай и пирог.

Но Марина, хоть и любительница почаевничать, только отмахнулась нетерпеливо:

– Главное – правильно о себе написать. Кстати, что обычно пишут в этих ваших...

– Резюме.

– Да, в резюме.

– Позволь, а как ты собираешься всё это излагать, на каком языке? Я владею только техническим английским...

Но Марина не дала мне договорить:

– Не нужно никакого иностранного языка. Владелица агентства – наша бывшая соотечественница. Она вышла замуж за голландца и теперь хочет помочь русским девушкам, а заодно и денег подзаработать. У них, знаешь ли, мужья любят, когда жена тоже вкладывает в семейный бюджет. Европа! Не то что наши восточные деспоты!

В этой точке её речи мне стало еще смешнее, но опять пришлось сдерживать улыбку.

У меня последние полгода – вообще никого нет, а у Марины – какой-то рак на безрыбье, художник от слова «худо». Приходит к ней раз в неделю выпить и пожрать, а в благодарность за это

– остается у неё поспать. Я уже давно говорю Марине:

– Выгони его!

А она оправдывает свою нерешительность:

– Тогда совсем никого не будет...

А потом – начинает оправдывать и его:

– Он совсем не так плох. Он добрый, просто у него нет денег. Художников ведь признают только после смерти. И главное – я привыкла к нему. Вот не приходи он, как обычно, в субботу – и что я буду делать?

– Да, – мне приходится соглашаться, – человек не свинья, ко всему привыкает.

Марина, как графиня Струйская, изображает на лице полуулыбку, полуплач и вдруг её прорывает:

– На прошлой неделе ему удалось какому-то чудачку свою картину «впарить», по-другому и не скажешь. Наконец-то при деньгах. И что, ты думаешь, он мне в субботу принес?

Я смотрю на Марину с выражением крайнего любопытства, хотя уже догадалась, каково будет продолжение.

– Бутылку водки! – с негодованием заканчивает Марина. – Сам её всю и выпил! А я всё думала, что он добрый и нежадный. А мне даже коробки конфет или духов не купил! И ты знаешь, у меня как будто глаза открылись: с кем же я и на кого время трачу. Он занят только собой и своим драгоценным здоровьем.

Я не перебивала Марину даже в ее очевидной нелогичности: какая уж забота о здоровье при перманентной пьянке, видя, что она сейчас в том состоянии духа, когда наконец-то кричат «Эврика!»,

в сотый раз залезая в наполненную доверху ванну и видя, что вода переливается через края. Но Марина и сама заметила эту неувязку и поняла:

– Видишь ли, Таня, он считает, что у него всё – необыкновенное. Его талант – самый уникальный, его неудачи – самые несправедливые, а уж его здоровье...

– Самое драгоценное?

– Причем не только для него, а для всей страны. Простых болезней, как у всех смертных, у него вообще нет: если он чихнул – это туберкулез, а если, простите, пукнул – это язва желудка. А ведь я всё делала для него. Хотя друзья и знакомые мне давно говорили: он тебе не пара. Да, всё правильно! Потому и одиноки, что пары нет. Ну, вот взять нас с тобой, – и Марина действительно взяла меня за руку и потащила к зеркалу в прихожей: – Чем мы плохи! Обе, – милостиво определила она, – красивые и молодые. Пока.

– Пока, – грустно повторила я, глядя то на себя, то на Марину в зеркале.

– И знаешь, какой вывод я сделала? – Марина произнесла следующую фразу менторским тоном, как будто открыла новый физический закон: – **ЦЕННОСТЬ ЖЕНЩИНЫ С ГОДАМИ УБЫВАЕТ, А ЦЕННОСТЬ МУЖЧИНЫ – ВОЗРАСТАЕТ.**

Я молчала, не перебивая, зная, что сейчас последуют научные примеры, и не ошиблась.

– Помнишь, в 7 классе за мной начал бегать наш одноклассник?

– Мишка, что ли?

– Он! Вспомнила, значит. Я ведь на него и внимания тогда не обращала: я – ведущая всех торжественных школьных мероприятий, солистка школьного хора, а он

кто? С соломенными волосенками, с бесцветными ресницами, зато – с яркими веснушками. Помню, я стеснялась, что в меня влюбился такой – получше не нашлось!

– Ах, сколько лет нам тогда было, – встала я с грустью.

– В 7-ом... Значит, лет 13-14... Тогда ведь в Министерстве образования еще умели считать до десяти и знали, что после цифры 3 идет цифра 4, а не 5. Но я что сказать тебе хотела: недавно захожу в наш новый супермаркет и с таким мэном в очереди оказалась: высокий, широкоплечий, уверенный в себе. Взглянул он на меня раз, другой, а потом спросил: «Марина, ты?» Я глаза на него вытаращила, не могу ни вспомнить, ни сообразить. А он: «Одноклассников забыла». Я и обомлела: Миша!

И знаешь, какой он мне первый вопрос задал? «Ты замужем?»

Тут я поняла, что не смогу признаться, что – нет. 20 лет прошло, а всё – нет! И я выдавила – не знаю уж, убедительно ли получилось – «Развелась».

Вышли мы с ним на улицу – роскошный лимузин стоит. Его. А я даже в марках не разбираюсь. Предложил меня подвести. Взялся за руль – а на безымянном пальце кольцо. Он перехватил мой взгляд и... в жизни не догадаешься, что мне сказал!

– Что же?

– Кольцо немножко не такого цвета, как мы привыкли. И он мне говорит: «За границей купили. У нас золото сплавляют с медью, а там – с серебром». Представляешь! Как будто для меня – это важно! Да мне – что с медным, что с оловянным, а уже окольцован. Я опоздала, хотя была первая в очереди!

– Да и очередь тогда была не за ним, – попыталась я похвалить Марину.

Но она не слушала, поглощенная своими открытиями:

– Как мужчину украшает карьера!

– А женщину разве нет? – робко встала я.

– Да он хоть бы спросил: какой, мол, институт закончила. Наври я ему, что я директриса или начальница чего-нибудь, ну и что? Бизнесумен. К таким не притягиваются, от таких шарахаются, потому что это – средний род. Женская стать от них уходит.

– Думаешь? – с какой-то неясной тревогой спросила я, вглядываясь в свое изображение, и на то у меня были свои причины.

– Доказано! – опять тоном лектора припечатала Марина.

– Так работа кормит...

– Муж должен кормить! Вот и получается, что выбор мужа – важнее всего в жизни. Так что, дорогая подружка, бросаем работу и едем в Голландию.

– Ты же сказала: пока нужен рассказ о себе. Резюме.

– Ну, это для проформы. Всё равно – всё решается на месте. Зато еще никто замуж не выходил.

Мы перешли из прихожей в мою уютную кухню и сидели теперь за красиво накрытым столом. Я обожаю тонкий фарфор, изящные салфеточки, золоченые ложки – всё, что могу теперь себе позволить. И что же – бросить всё это ради... Чего ради?

Не зря мы с Мариной дружим так давно, она сразу заметила мои сомнения, но нашла свой контраргумент:

– У тебя это никто не отбирает. Как и твою важную работу. Её можно не бросать, а взять пока

очередной отпуск. А если в месяце не уложимся – давай прихватим отгулы.

Марина не зря сказала про важную работу. Дело в том, что меня недавно сделали заместителем начальника крупного отдела. О, сколько мечтали об этой должности и завидовали мне, а я первое время чувствовала себя – добровольно в роли шавки.

А потом и не заметила, как стала свыкаться с этой ролью и находиться в ней свои прелести.

Косые взгляды перестали меня трогать, а завистливые – стали даже радовать.

Вот только сегодняшнее Марино замечание про женщин «среднего рода», произнесенное вскользь, вовсе без желания меня обидеть, как-то неприятно кольнуло. Напрасно утешаться, что оно – общее, про всех. Если верно для всех – значит, конкретно и для меня. Себя ведь не видишь со стороны, даже в зеркале.

Мы допили чай и стали набрасывать резюме. В обычные параметры – возраст, рост, образование, вид деятельности, знание языков – нужно было добавить некую изюминку, то главное, на что в этом объявлении и «клюнет» золотая рыбка.

Деловых бизнесвуменш – боятся, романтичных дур – избегают. А в конечном счете хотят в женщине и того, и другого, но в разумных количествах, а главное, пропорциях.

Я не привожу наш образец конечного продукта, потому что он не тиражируется. Такие находки бывают в одном экземпляре. И у каждого эта находка – своя.

– А теперь, – заявила Марина тоном опытного редактора, – это должно отлежаться. Чтобы посмотреть «незамыленным взглядом».

Сделаем потом необходимую правку и – по адресу. Всё будет okay. Можешь поверить моему опыту!

– Неужто опыту?

– Интуиции!

– Тогда почему в мужском роде?

– Не придирайся к словам!

Можно вместо «интуиции» сказать «чувству».

– Оно среднего рода.

– А вот тут ты не права, – подловила меня Марина, – «моему чувству». Всё правильно!

Пришлось с ней согласиться.

Мы попрощались, довольные проделанной работой. Осталось получить хорошие фотопортреты, а для этого необходимо в первую очередь – выспаться, иначе никакая косметика не поможет.

Я вымыла посуду, приняла на ночь обязательный контрастный душ, строго по инструкции закончив его прохладной водой, затем взяла свой любимый крем «Lift intensive» и, вбивая его острым staccato (термин знаю от Марины), нанесла на лицо.

Щелкнула выключателем и легла в постель. На полочке справа от кровати светились зеленоватые цифры электронных часов. Мне они нравились за бесшумный ход и возможность узнавать время даже ночью, не включая свет.

Я была уверена, что засну сразу, как всегда бывает после хорошо сделанной работы, но что-то мешало мне. Марино замечание? Произнесённое вскользь, вовсе без желания меня обидеть, даже без намека на меня. Неужели и я рискую превратиться в существо среднего рода, несмотря на все женские ухищрения и все заботы о красоте? «Мужчину карьера украшает»... А меня делает совсем

одинокой. Я вспомнила, что последнее время даже свой чай мне приходится пить всё чаще в одиночестве: мой шеф, начальник нашего отдела, обычно уходит к управляющему, а бывшие коллеги, ныне мои подчиненные, теперь вообще при мне не пьют чай, изображая рвение к работе.

Я смотрела на часы. 22.45. 22.46. 22.47. Время не уходит. Его вроде бы всё больше. Только оно – со знаком минус. Значит, ушло уже 45, 46, 47 минут...И ушли 22 часа. Скоро уйдет и этот день. И он тоже указан – на трубке радиотелефона. Выключить всё! Ни на что не глядеть! Я, как современный луддит, уже потянулась к розетке, но – завтра рано вставать, а без своих привычных помощников – как я узнаю время? Я и раньше никогда не опаздывала, а теперь просто не имею на это права. Надо спать, спать, но сон не шел.

Да, Марина везде права, и с нею не поспоришь.

И мужской возраст – не таков, как женский. И мужская карьера. И даже одиночество у нас с ними разное. Мужское одиночество как бы добровольное, а женское – всегда вынужденное. Или всегда воспринимается как вынужденное. Мужчина может действительно выбрать одиночество – как свободу. Никто не изумляется одиночеству великого холостяка Канта, да и какое же это одиночество, если ежедневно за обеденным столом у него сидело не меньше семи-восьми друзей. А женское одиночество, даже если женщина громко декларирует такой выбор, как это делала Айседора Дункан, – неубедительно, ибо несвойственно женской природе. Что и было блестяще доказано бросившим ее Есениным.

Может, действительно взять отпуск и заняться лично собой, а не только своей карьерой?

Марина позвонила мне на мобильный за 5 минут до обеденного перерыва:

– Ты готова? Сейчас пойдём на фотосессию.

Неунывающая и деловая! Её бы на мое место! Только не увлекают её наши дебаты-кредиты. Себя она называет человеком искусства, хотя работает в обычной районной детской музыкальной школе и преподаёт там самый нелюбимый предмет – сольфеджио. Это она сама так о нём говорит, желая оправдать очевидное отсутствие трудового энтузиазма: обожает не только праздничные дни, что ещё понятно, но даже дни, проведенные на больничном. Помню её нескрываемую радость, когда она сломала большой палец на левой руке. В травмпункте не знали, что ей давать – справку или полновесный больничный, но она громко и гордо заявила тогда: «Как же я буду играть на рояле без первого пальца!», и вопрос отпал, хотя для игры на пианино – а вовсе не на рояле. Может быть, он и есть в школе, но стоит уж точно не в её маленьком классе – для тех маленьких упражнений, которые она поёт с малышами, ей бы действительно хватило, и с избытком, оставшихся четырех. Да, скорее всего, левая рука ей бы вообще не понадобилась, достаточно одной правой.

Нас снимали в двух видах: портрет и в полный рост. Мастер хвалил наши фигуры, а на портретных съемках командовала Марина, помогая устанавливать свет и настойчиво советуя фотографировать «сверху» – так глаза кажутся больше, а нос – тоньше.

Марина сама отослала наши анкеты и фото, и в один прекрасный день – на удивление быстро – нам пришли приглашения из Голландии. Марина прибежала ко мне в тот же вечер.

– Вот! – с торжеством в голосе сообщила она. – А ты сомневалась. Это тебе не турпоездка, где сам за всё платишь. Это, милая моя, – приглашение! Как говорится, почувствуйте разницу.

И мы её почувствовали, можете не сомневаться!

Но по порядку.

У Марины начинался учительский 56-дневный отпуск, а я взяла очередной плюс отгулы и неделю за свой счет.

– А как же твой художник? Ты ему сказала, куда едешь?

– И не собиралась.

Я на работе тоже не откровенничала.

Пусть думают, что мы просто едем в отпуск.

Погода радовала, настроение было прекрасное, дорога – тоже. Сыростью и холодным ветром встретил только Брест, а в Польше опять засияло солнце, маленькие уютные городки с прелестными названиями сменяли друг друга. Германия поразила странной смесью средневековой романтики и наисовременнейшего урбанизма.

А вот и первый голландский город – Ольдензаал. Марина начала было переводить:

«Заал – это зал», но рассмеялась и замолчала. Как раз вовремя, пока никто не расслышал.

Мы жадно смотрели в окно, хотя пейзаж не ласкал взор: плоская, как тарелка, равнина, а над ней – низкое серое небо, затянутое тучами. На берегах небольших каналов паслись огромные голландские коровы. Кое-где картину оживляли отдельно стоящие деревья.

Ах, какой непривычно маленькой оказалась страна. Мы считали по карте, проверяя: 200 км в длину, 150 – в ширину. Уже через несколько часов мы подъезжали чуть ли не к другому её краю – Амстердаму. Справа по ходу поезда виднелось море, даже на вид холодное. И небо такое же неласковое, готовое пролиться дождем.

Зато вокзал – огромный, богато декорированный. Впрочем, и это не радовало: как мы тут найдем нашу агентшу?

Только Марина не унывала. Она заранее предусмотрела в своей компании какую-то выгодную международную связь и уверенной рукой руководила дальнейшими действиями.

Владелица брачного агентства, наша бывшая соотечественница, сначала получила нашу sms-ку, прислала свою, а затем мы услышали в Маринином телефоне её приветливый голос:

– Подходите ближе, я вас уже вижу!

Высокая шатенка махала нам рукой и улыбалась. Мы обрадованно замахали в ответ.

– Как приятно, что вас сразу можно узнать по фото, – это первое, что сказала нам она. – Меня зовут Инна. Я москвичка. Здесь уже 7 лет. Вас ждет мое авто, я буду рада доставить вас до места.

Она кивнула мужчине в униформе, а он с готовностью подхватил наш багаж и поставил его на тележку.

Светило солнце, но было довольно прохладно. Марина начала с обычной фразы о погоде, на что Инна весело рассмеялась:

– У нас средняя зимняя температура – плюс 5, а средняя летняя – плюс 12.

– Как же Вы их различаете? – то ли остроумно, то ли тупо спросила Марина.

Но Инна тактично перевела вопрос в шутку:

– По календарю. Смотрим в календарь и узнаем, лето или зима.

Мы уселись на заднее сидение автомобиля, носильщик уложил вещи в багажник, Инна села за руль. Автомобилей на дороге было на удивление мало, мимо нас прозвенел трамвай. Зато на соседней специальной дорожке было полно велосипедистов. Все они, и мужчины, и женщины, были в чем-то невзрачно-сером, в каких-то куртках с капюшонами или в плащах. Мы таращили глаза, надеясь увидеть то необычайное, чем славится Амстердам, но все было скучно, прилизанно, и даже дома стояли по-бюргерски чинно, одинаково, каждый шириной в три окна.

– Где вы остановились?

– В каком смысле?

– В какой отель вас везти? – уточнила Инна, окончательно поставив нас в тупик.

– Не знаем... Мы думали, едем к Вам...

– О! – протянула Инна с сочувствием или с сожалением, а может быть, без того и без другого – мы так и не поняли и смущенно промолчали в ответ. Пауза затягивалась, и опять Инна тактично её прервала:

– Отели на окраине, самые дешёвые стоят 30 евро в сутки, а в центре...

Она увидела в зеркале заднего вида наши вытянутые физиономии и прекратила расспросы.

– Ладно. Поедем ко мне.

По дороге выяснилось, что Голландия, точнее, две Голландии – Северная и Южная – это только две из 12 провинций, а страну все же следует называть – Нидерланды.

Ехать пришлось довольно долго, зато очутились мы в настоящем загородном доме, довольно

большом, как нам показалось. Разглядеть толком не удалось – уже темнело. Навстречу вышел высокий господин в мягком свитере и посмотрел на нас без всякого удивления, что, в свою очередь, приятно удивило нас.

– Видишь, – шепнула мне Марина, – не ругает жену: кого, дескать, привезла на ночь глядя. Европа!

Мы вышли. Он даже помог вещи донести. Больше мы его в этот вечер не видели.

Инна велела нам вымыть руки и пригласила в кухню-столовую. Мы сели чинно, как на приеме в учреждении. Правда, Инна все же предложила чай с кексами. Не густо, но надо же было самим догадаться, что не обязана она нас еще и кормить! Никаких упреков за нашу бестолковость и неуместные притязания на ночлег. Инна – ах, как опять тактично – начала разговор совсем о другом.

– Прекрасно, что вы не отличаетесь от ваших фотографий. Да, да, не удивляйтесь! Бывает, что на фото – красавица, а приедет – и не только её респондент, но даже я, с моим опытом, не могу её узнать в толпе на вокзале.

Мы скромно опустили взоры в наши чашки, а она пояснила:

– Мужчину это сразу разочаровывает. Он-то ждал ту, что на фото!

А теперь – о моих методах работы. В отличие от такой неприятной процедуры, как вечеринка-смотрины, на которые приглашают 5-7 мужчин, а дам – в десять раз больше... У вас это тоже практикуется?

– Клубы «Кому за 80»? – снова попыталась сострить Марина, но уже не таким веселым голосом, как раньше.

Инна, однако, продолжала говорить серьезным тоном:

– Я этого не признаю. Я знаю, как это унижает женщин. А главное, это неэффективный метод. Мужчины теряются от разнообразия и не могут выбрать. Есть еще брачные конторы, которые работают по переписке, но это опасно. Вы можете натолкнуться на афериста и даже маньяка.

– А маньяк-то хоть – сексуальный?

Инна улыбнулась уголками губ, а я – просто ткнула Марину в бок за её остроты, правда, несильно и незаметно.

– Так я хотела бы рассказать о своих методах. Мужа нельзя выбрать на одной-двух вечеринках, как нельзя понять по письмам, что это за человек. Да теперь часто и письма пишут по подсказке психолога, так что ничего не определишь. Исходя из этого, а точнее, отталкиваясь от неверных подходов, я предпочитаю дать возможность людям узнать друг друга. Но на это нужно время. А время – деньги, как говорят англичане. 30 евро за месяц набегут в приличную сумму, не так ли?

Мы вздохнули: так, всё так.

– Но, с другой стороны, коль уж вы сюда приехали, надо пожить и познакомиться со всеми возможными претендентами. Вы согласны со мной?

– Согласны.

– Они будут приходить, не навязывая пока своего общества. Если вы друг другу понравитесь – а согласитесь, что необходима взаимная симпатия, – я поспособствую вашему более близкому знакомству. Каким количеством дней вы располагаете?

– Отпуск у меня большой, – снова первой влезла Марина, – я ведь работаю в музыкальной школе...

– Помню, что в России каникулы не менее двух-трех месяцев. Вы играете? На чем?

– Пою. Мой предмет – соль-феджио.

– А Вы? – Инна повернулась ко мне. – Какой отпуск у Вас?

– Дело не во времени, а в деньгах.

– Татьяна работает в банке, – как бы извинилась за мое упоминание о деньгах Марина.

Ну конечно, она же богаче меня со своими семью тысячами в месяц! Что ей не пожить тут месячишко-другой! По 30 евро в сутки. Зато в награду – заграничный муж. «Если вы друг другу понравитесь».

– Ах, у Вас отпуск, должно быть, меньше. Но мы и за месяц успеем!

Вопрос о деньгах Инна тактично обошла. Но я люблю точность в делах:

– Боюсь, что мы не уложимся в необходимую сумму.

– Как же вам помочь? – Инна помолчала. – А знаете, вы можете пожить и у меня, дом, слава богу, большой. Это в городе живут так, что мебель через окна поднимают на специальных крюках: так мало места и так узки лестницы в голландских домах! А мы за городом, и в этом – свои преимущества. В этом вы сами убедитесь утром. А пока – спать.

Она поднялась, давая понять, что ужин закончился. Марину, да и меня, одолевали многочисленные вопросы о Голландии... то есть, о Нидерландах. Но – что делать! Отложим на потом. Мы поблагодарили её и пошли в указанную хозяйкой спальню. Там уже стояли наши чемоданы. Как муж догадался, ЧТО предложит нам жена и которую из комнат подберет для нас! Какое, однако, взаимопонимание! Нам бы такое счастье!

Усталые, но окрыленные надеждами, мы заснули даже без привычного душа, массажа, крема.

Утро встретило нас солнцем, мычанием коров, пением птиц и квохтаньем кур.

– Давно я так не высыпалась! Что значит чистый воздух! – Марина выглянула в окно: – А посмотри, как всё цивильно, даром что загород. – Марина пригляделась: – А может, даже и деревня... Хотя, есть ли у них деревни? Вон ехали, так города один в другой переходят, прямо как в Японии. Чего лучшего желать – и деревня, и город вместе. Европа!

Инна постучала в дверь:

– Проснулись?

– Да. Доброе утро!

– Спускайтесь к завтраку.

Мы переглянулись. Неудобно как-то. Ночуем – бесплатно. Ужинали – бесплатно. А еще говорят, что голландцы прижимистые. Мы сели за стол. Нарезанный хлеб, масло, сыр. Настоящий голландский сыр!

Прямо перед нашим огромным окном на лужайке в земле копались двое мальчиков, довольно грязных, но не обращающих на это ни малейшего внимания.

– Неужели здесь тоже есть беспризорники? – мелькнула у нас одна и та же мысль.

Инна спокойно посмотрела в том же направлении.

– Чьи это дети? – не выдержала Марина.

– Как чьи? Мои!

Мы только вздохнули, но не сказали ни слова, а Инна решила пояснить:

– Дети должны свободно познавать мир. Это наша общая позиция.

Общая с мужем? Или общая для всей страны? Выяснить это неудобно... Мужа опять не было.

– Петер уже позавтракал и ушел. Дел много.

– Не можем ли мы помочь? – что было естественнее этого

Марининого вопроса! Я всем своим видом поддержала это предложение. Инна подумала немного и, казалось, смущенно произнесла:

– Если вас не затруднит... У нас не доделана оранжерея с цветами. Приятное женское занятие.

Ну, еще бы! Цветы! Мы согласились с радостью. Поработаем и, глядишь, 60 евро сэкономим. В СУТКИ!

Инна вывела нас в задний двор. Сказать, что оранжерея не доделана – значило бы опережать события. Теплица была только начата. Была сделана опалубка, а узкие красные кирпичи, аккуратно упакованные, лежали рядом.

– И что мы должны делать? – растерянно спросила я.

– О, я в этом мало что понимаю, – засмеялась Инна, – вам всё скажет муж.

И она позвала:

– Петер, Петер!

Вчерашний господин, одетый нынче в рабочий комбинезон, оказался из-за угла. Он взглянул на нас и сразу всё понял. Он даже улыбнулся нам! Инна что-то ему сказала, но это явно было лишним. Ан нет! Рабочая одежда! Из сарая вынесли два комплекта, в которые мы там и переоделись, пока Петер готовил для нас фронт работ. Инна пошла готовить обед. Молодец! Зачем тратиться на кухарку, имея такую малочисленную семью! Петер жестами показал нам, ЧТО мы должны делать. Марина в рабочих рукавицах будет подавать кирпичи, а я месить раствор.

– Слава богу, на подсобные работы, – порадовалась Марина, шепча мне об этом на ухо.

А ничего другого мы и не умеем.

Работа пошла весело и споро. Марина радовалась экономии денег, я – тому, что не поставили

на кладку: там бы я не потянула: квалифицированный труд, что ни говори! А мне ни разу в жизни не приходилось класть кирпичи, пока в Голландию не занесло.

Осрамиться не хотелось, и мы старались изо всех сил, а то практичный Петер скажет жене, что для голландских мужей мы не годимся. Его-то Инна вон как для семьи старается: и стряпает сама, без кухарки, и детей воспитывает без гувернантки, да еще деньги зарабатывает для семьи.

И то сказать, как же голландцам не быть скупыми, то есть бережливыми: живут на дне моря, отгороженном дамбами, ни нефти, ни «алмазов в каменных пещерах», ни «жемчужин в море полуденном», приходится и на людских пороках зарабатывать, везёт же им только в том, что пороки всегда стоят дороже добродетелей.

За обедом Марина решила пополнить свои знания о будущей родине. Петер пообедал раньше нас и теперь отдыхал в своей комнате.

– А правда, что у вас наркотики свободно продают? – с каким-то даже подобострастием, как бы не веря ужасным сплетням, спросила Марина.

– Легкие препараты, они просто повышают настроение. Их продают в определенных местах, называются: кафе-шоп. А вообще-то, по статистике, наша страна на одном из последних мест в Европе по употреблению алкоголя!

Марина почему-то с гордостью (за страну?) посмотрела на меня. Чуть позже я поняла её взгляд: вот, дескать, в какое замечательное место я тебя привезла. Что ж, со статистикой всё хорошо. Ведь если сложить количество выпитого запойным пьяницей и не выпитое трезвенником, то получится неплохой средний результат.

На другой день мы опять стояли в тех же робах на той же работе. И на третий.

Трудовой энтузиазм пошел на убыль, и это стало заметно, наверно, даже постороннему взгляду, потому что Инна вдруг поинтересовалась, знаем ли мы, что такое «Dutch treat».

Мы сделали умственное усилие (оказывается, такое нелегкое после физических нагрузок) и находчиво сообщили экзаменатору, что это «что-то голландское», а что именно – м...м... Я вспоминала технические термины, а Марина делала вид, что помогает мне.

– Это, – прервала наши мучения Инна, – известное американское выражение, обозначающее голландский обычай. Я думала, вы хотя бы слышали о нем. Им всегда попрекают голландцев. А ведь он вполне справедлив. И это главное качество соотечественников... моего мужа. (патриотично не сказала: моих).

– Да что за обычай? – у нетерпеливой Марины разгорелись от любопытства глаза. Но Инна не спешила. До знакомства с голландскими обычаями еще дожить надо. В том смысле, что знакомить нас с ними должны всё-таки сами голландцы.

– Когда я познакомлю вас с первыми претендентами, вам придется пойти с ними... в ресторан, например, или в кафе с живой музыкой. Но мужчина, даже если он вас пригласил, оплатит лишь свою часть заказа. Так принято.

– Зачем тогда приглашал? – не поняла Марина.

– То, что он на вас тратит свое личное время, – это уже знак симпатии.

– Ага... – как-то потухла Марина.

– А сколько примерно стоит посещение ресторана? – практично поинтересовалась я.

– От 50 евро, я полагаю, – скромно и даже обыденно произнесла Инна. Она профессионально или руководствуясь опытом, нашла верный тон. Если б она сказала и эту фразу с тем же пафосом, с каким говорила о достоинствах своей нынешней родины, боюсь, нас это подвигло бы на ответные пафосные действия. Мне, например, после кратких подсчетов, захотелось кого-нибудь хорошенько стукнуть, и вы легко догадаетесь о причине. На одного еще даже не жениха – 50 евро! На второго – еще 50... Хотя, нет! Мы только начинаем от 50! А если у них хороший аппетит? Придется не отставать. В какую же сумму это может вылиться?

Инна что-то еще щебетала, но я почти не слушала, погруженная в думы и расчеты. Марина тоже примолкла.

Однако в нашей комнатке к ней вернулось настроение:

– Стену-то нам еще долго строить! – радостно сообщила она.

– И?

– И значит, накопим еще на кафешки!

Я не побила её только потому, что это – дополнительные расходы на всякие штрафы в полиции.

Утром Инна была исключительно приветлива. Она даже спросила, чего бы мы хотели на обед.

– Борща и котлет с макаронами.

После завтрака – опять к ненавистной оранжерее, но Петер впервые оглядел нас обоим взглядом мужчины, а не прораба. Мы приступили каждая к своим обязанностям: Марина подавала кирпичи, а я начала было месить бетон, но взглянула окрест, примериваясь, когда стройка закончится. Из-за забора на нас кто-то глядел. Может, знакомый Петера? Марина его тоже заметила и подала знак

Петеру. Но он только хитро улыбнулся нам и продолжал класть кирпичи как ни в чем не бывало. Мы тоже продолжали работу. А что нам оставалось делать? Но Марина, улучив момент, залихватски подмигнула мне, демонстрируя свою догадливость.

За обедом она решила проверить свои подозрения:

– Инна, кто-то приходил к Петеру, жаль, что мы не смогли ему сказать по-голландски...

Инна заулыбалась и кокетливо прочирикала:

– Почему вы решили, что к Петеру? Вовсе не к нему! Это к вам.

Но нас это известие не обрадовало – наоборот!

– Почему же нас не предупредили? Мы в таком виде!

– «Ищи невесту не в хороводе, а в огороде».

– Так это русская пословица! – возразила я.

– Как вы ошибаетесь, милая Татьяна, – важно сказала Инна, – это верно везде. А особенно в Голландии. Запомните это.

И мы запомнили. Но на следующее утро все же подкрасили губы и потребовали, чтоб нам выдали другую рабочую одежду. Инна предупредительно сказала:

– Я и сама об этом подумала

Нам дали симпатичные джинсы, свитера, пусть неновые, но вполне пригодные для демонстрации мужскому взору, и поставили на новый, более соответствующий женской стати объект: сад и часть сада – цветник. И Марина опять запела:

– Ничего, в колхозе на картошке тоже романы закручивались. Тут Инна права. Да мы еще так мало Голландию знаем. Спроси ее как-нибудь невзначай, как она со своим Петрушей познакомилась.

– А тут и спрашивать нечего! Ехал Петя по Рублёвке на Нико-

лину Гору и заглядывал через заборы, кто прилежней в огороде копается.

– Ну уж ты скажешь!

Однако опять кто-то заглядывал в этот день через забор, только мы не смогли определить, тот же мужчина или другой, и даже поспорили из-за этого.

– А давай спросим у Инны, – предложила Марина.

Инна подумала и ответила:

– Другой. Пусть их побольше наберется, так легче выбрать.

– Да кто его знает, – с сомнением протянула Марина, – выбор-то – это самое сложное!

А я после наедине шепнула Марине, что, возможно, Инна имела в виду вовсе не наш выбор.

В этот день мы работали не только прилежно, но и красиво, чувствуя себя как на съёмках. А что! Говорят, настоящие актрисы в кино так же выкладываются, как в жизни.

Мы изредка поглядывали на забор, но там пока никого не было. Время шло к обеду, усталость давала о себе знать.

– Всё, больше не могу, – взмолилась Марина. – Давай передохнем.

Мы присели на низкую скамеечку и опять как по команде посмотрели на забор. Там маячила мужская фигура, разглядывая нас. Я почему-то нервно засмеялась, а Марина выпрямилась, уперлась ладошкой в бедро, красиво отставив локоток, и посмотрела на незнакомца прямо и весело, не забывая демонстрировать голливудскую улыбку. И на него это подействовало! Он отскочил от забора и потрусил по дороге, изо всех сил стараясь не переходить на рысь. Видимо, он понял, что слишком быстрый аллюр похож был бы на банальное бегство.

Мы аж присвистнули, не ожидая такого финала. Хорошо, что нас позвали на обед. Можно будет там всё у Инны выяснить.

– Инна, – сразу начала я, – сегодня тоже кто-то подходил на нас посмотреть. Но почему-то он сразу убежал. Не сделали ли мы каких-либо ошибок?

Инна прослушала наш рассказ, задумалась и выдала ответ, как хорошо составленную программу:

– Вы не должны демонстрировать свою заинтересованность.

Марина скромно опустила глазки.

На следующий день мы работали, стараясь ничего не демонстрировать. И на третий день мы старались, а потом и стараться не требовалось: сил бы всё равно не хватило. Мы пропальвали, окучивали, подравнивали, следили за поливом. Всё цело и благоухало.

– Мне надоело, – сказала я Марине как-то вечером в нашей комнате. – Ставим вопрос ребром: или обещанные женихи, или мы будем жаловаться.

Правда, я еще не решила, кому. Но храбро добавила:

– Можно просто уехать домой.

Марина горячо поддержала меня. Мы сообщили о своем недовольстве Инне, она что-то проворчала по-голландски своему мужу, и вопрос решился на удивление быстро.

Инна заявила, что на завтрашний ужин они пригласят сразу двух женихов. Нет, это немного: на каждую по одному. И даже не придется ходить в ресторан на Dutch supper, где, как мы помним, каждый платит за себя. Расходы за этот вечер они с Петером берут на свой счет.

– Мы вам так благодарны, – эту фразу Инна и Марина произнесли чуть не одновременно.

Короче, они нам, а мы – им. Всё правильно, благодарность получается обоюдная, если подумать. И подсчитать.

Надо ли говорить, как мы готовились к этому вечеру! Слава богу, хозяйева отпустили нас с прополки сразу после обеда. Мы успели наложить маски, немного повалиться с поднятыми на подушки ногами, не то регулярно появляющийся к вечеру отек не позволил бы надеть парадно-выходные туфли. Потом начался спор о платьях. Марина настаивала на вечернем туалете, а я считала его неуместным на семейном ужине в деревне. Да, с нарядами мы явно промахнулись! Прошло уже столько времени, а они нам пока так и не пригодились. Наконец мы остановились на варианте «скромно, но со вкусом»: Марина надела черный брючный костюм, а под него – женственную белую блузку с кокетливым бантом (в нем она часто выступает на академических концертах в своей школе, дирижируя хором), а я – жемчужно-серый жакетик с огромным воротником и строгую юбку до колен. Получилось, кажется, неплохо!

С точно рассчитанным крохотным опозданием мы спустились в столовую, где уже сидели два приглашенных господина – один помоложе, высокий и худой; другой постарше, с небольшим брюшком, который наши соотечественники, как бы оправдывая себя, любят называть «уютным».

Мужчины подняли головы и с нескрываемым удивлением посмотрели на нас. Петер что-то быстро сказал им по-своему. Инна задерживалась на кухне, и Марина успела мне шепнуть:

– Красота русских девушек – страшная сила!

Голландцы что-то уловили и выказали некоторый интерес:

– Russ...

Мы присели за стол, с нетерпением ожидая хозяйку-переводчицу. Инна вошла, неся поднос с закусками. Петер на правах хозяйина предложил первый тост. Инна перевела:

– За знакомство!

А потом мужчины начали что-то оживленно обсуждать, не обращая на нас внимания. Мы даже хотели обидеться, но они всё равно бы не поняли. Тогда Марина демонстративно начала разговор с хозяйкой: у женщин ведь тоже найдется о чем посплетничать. Она расспрашивала Инну о местных ценах, а та её – о современных российских, а потом они начали их сравнивать и оказалось, что живем мы не так уж плохо, во всяком случае, нашим дамам не нужно сидеть полуголыми в витринах, подсвеченных розовым светом, чтобы заработать себе на модные шмотки. Мы-то поначалу думали, что заперты в этих стеклянных вольерах несчастные рабыни из Восточной Европы, а оказалось, что таким способом местные девушки, в том числе студентки, подрабатывают, если им не хватает на понравившееся колечко или сережки. Все – честные налогоплательщицы, со своим профсоюзом, и вообще – это уважаемая буржуазная профессия, не мусор же им на улицах мести – этим пусть занимаются бывшие соотечественницы из Суринама. А после трудового дня, то есть, ночи – пожалуйста, специально для них в конце улицы церковь.

Молись, и Бог простит.

Мужчины тем временем пили и закусывали, совсем забыв про нас. Марина метнула в их сторону несколько выразительных взглядов, но они на них, кажется, и внимания не обратили, поглощенные своей беседой. Инна заметила

наше удивление, переходящее в недовольство, и пояснила:

– Голландец никогда не принимает решения сразу, ему требуется время.

Её спокойный тон подействовал на нас благотворно. Мы еще немного поболтали, а потом она поднялась, давая понять, что и нам следует сделать то же самое. Мужчины тоже встали и простились с нами очень тепло, даже наши ручки подержали на прощание в своих крепких руках. И посмотрели выразительно, с сожалением.

У себя в комнате мы молча разделись и легли. Нам не хотелось обсуждать этот вечер то ли провала, то ли успеха. Первой нарушила молчание Марина.

– Но он так мне руку жал! – как будто попыталась она кого-то убедить.

Мы лежали, глядя в темноту за окнами. Надо спать, спать, но сон не шел.

– Таня! Как ты думаешь, мы им понравились?

– Ты же слышала, что сказала Инна.

– Да, да. Как в детской сказке: «Финский крестьянин ничего с ходу делать не любит. Прежде чем поле от камней очистить, он каждый камень обойдет, да померит, да посмотрит»...

Я почувствовала нарастающее раздражение:

– Не хочу ничего обсуждать. Спокойной ночи. Завтра опять на работу.

– Ты думаешь? – искренно удивилась Марина.

– А ты как думаешь?

И я, конечно же, оказалась права.

Рано утром в дверь постучала Инна:

– Доброе утро!

Мы посмотрели на часы – 7.30. Пора вставать.

После завтрака Инна попросила помочь Петеру. Пришлось опять идти на строительство ненавистой оранжереи. Наверное, это плата за вчерашний вечер.

Мы копались в растворе, подавали кирпичи и так умаялись к вечеру, что, если б Инна и пригласила нас снова на ужин-смотрины, боюсь, нам пришлось бы отказаться, как бы невежливо это ни выглядело. Но, слава богу, на этот раз обошлось.

Так прошло несколько дней. Терпение наше опять начало иссякать, и однажды мы вежливо поинтересовались результатами той встречи, на что Инна пренебрежительно фыркнула:

– На них свет клином не сошелся.

Что ж, это был удачный ход! Нам полагалось после этого заявления приободриться, а не унывать, и мы воззрились на нашу благодетельницу в ожидании новых известий. Инна подумала минутку и объявила:

– Завтра будьте готовы.

– Всегда готовы.

Опять мы накладывали маски, макияж, опять одевались и причёсывались. Опять сидели за столом, где двое незнакомцев беседовали с хозяином, только мимоходом взглянув на нас и кивнув в знак приветствия. Инна обозрела кислые мины на наших лицах и предложила:

– Давайте потанцуем.

Петер с готовностью поднялся, включил музыку и галантно склонился перед женой.

Инна счастливо засмеялась и прильнула к нему.

Два увальня – один седой, другой лысый – переглянулись и последовали примеру Петера.

Седой пригласил меня, лысый – Марину. Потом, в следующем танце, они поменялись.

Но и лысый был не намного лучше седого. Они неуклюже топтались, неуклюже обнимались, и становилось понятным, почему им приходится обращаться в брачное агентство.

Но ведь и мы туда же обратились! Мне вдруг стало жаль топчущегося со мной мужчину, которому не повезло в жизни, и я нежно взяла его за руку. И неожиданно нащупала кольцо на безымянном пальце! На секунду опешив, стала соображать, какую руку я держу. Оказалось, левую. Но полного облегчения это не принесло: кажется, в Европе именно на левой и носят кольцо женатые, а не состоящие в разводе или вдовцы.

Хотелось в перерыве уточнить у Инны, но ей было не до нас.

Я мучилась, вспоминая, и танцевала с таким видом, как будто подсчитывала годовой бюджет страны.

Впрочем, вечер шел к концу. Это Инна умела дать понять. Но Марина явно не хотела упускать свой шанс. Она весело смеялась и кокетливо поглядывала, крутясь, на своего партнера. И – чудо! – он уже не казался старым. Люди, бывает, седеют и в 40, и даже в 30 лет.

Однако и Марине пришлось закружиться.

Мужчины поклонились нам на прощание, но ручки жать воздержались.

После вечеринки мы обменялись мнениями у себя в комнате.

– Слушай, Таня, что всё это значит, в конце концов?

– Почему ты спрашиваешь меня? Спроси Инну.

– И спрошу! Я же ему понравилась, и он мне тоже! А она не дала нам никакой возможности ни поговорить, ни встречу назначить!

– Давай спать. Утром спросишь.

Утром нас разбудил звонок будильника прямо под дверь. Я взглянула. На площадке стоял Петер. Говорить с ним было бесполезно: за 7 лет брака с москвичкой он не выучил ни одного русского слова. Пришлось одеваться и спускаться к завтраку.

Инны не было. Петер знаками указал на кофейник. Мы покивали в ответ. Поели и пошли «на объект». А что нам оставалось делать?

К вечеру Марина так устала, что забыла, кажется, о своем грозном решении. Ужинали мы опять втроём. Спросить, где Инна и дети, мы не решились, даже если бы нашли общий язык.

Инна появилась через три дня, случайно или счастливо совпавшие с окончанием строительства теплицы.

Марина накинулась на нее:

– Где вы были? Таня и я уже не знали, что и думать!

Инна строго взглянула на нас:

– Вот не знала, что должна перед вами держать отчёт. Но могу пояснить, что ездила по вашим делам. Оформила вам обратный билет, страховку...

Но Марина не дала ей договорить:

– А как же...

А Инна не дала ей закончить вопрос:

– Дело в том, что насильно я никого не могу принудить к браку. Да это и не входит в условия нашего договора. Можете его перечитать.

Мы ошалело глядели на Инну, впервые увидев, какими холодными могут быть её глаза.

Марина попыталась возразить:

– Но ведь я...мы понравились...

– Вам это показалось, – отрезала Инна. – Просто мужчины у нас очень вежливые.

Мне стало противно, как она произнесла это: «у нас». Но и затевать спор не имело смысла: права были не на нашей стороне, поэтому я предупредила возможное боевое выступление Марины, соглашаясь взять предложенные билеты, но не могла удержаться от попутного замечания:

– А где вы теперь «у вас»?

Впрочем, давайте наши билеты и страховки. Расстанемся мирно.

– Да, конечно. Я вас отвезу в Схипхол.

Пояснила:

– Это аэропорт. Между прочим, на 4,5 метра ниже уровня моря.

– Больно надо знать! – неожиданно прервала её экскурсоводческие потуги Марина. – Мы здесь всё равно ничего не видели, кроме огорода.

– Ваша подруга верно заметила: давайте расстанемся мирно.

Она повернулась и пошла к себе. А мы – к себе, собирать вещи.

Только в самолете Марина успокоилась и даже начала утешать меня. Или себя?

– Ну, съездили, посмотрели. Наука утверждает, что отрицательный результат – тоже результат. Зато мы приобрели опыт. Как говорится, нет худа без добра.

Мне пришлось с нею согласиться:

– Действительно, без нашего худа у хозяев не прибавилось бы столько добра.